

Неполитический активизм в России¹

Вопреки представлению о полном подавлении общественной инициативы, в России бурлит общественная жизнь. Ее центром становятся неформальные группы активистов и всевозможные неформальные сети | **КСЕНИЯ ДЕМАКОВА, СВЕТЛАНА МАКОВЕЦКАЯ, ЕЛЕНА СКРЯКОВА**

Самоорганизованные, самостоятельные группы граждан выходят в публичное пространство, в первую очередь, оттого, что этого требуют «залежи» острейших, прежде всего местных, проблем. Кроме того, людьми движет потребность в самореализации, стремление собственными усилиями улучшить качество своей жизни и добиться перемен в жизни важного для них сообщества.

Среди многообразных общественных занятий выделяется неполитическая активистская деятельность, направленная на решение конкретных проблем. Сами активисты называют себя «общественниками», «волонтерами», «добровольцами», «членами инициативной группы» и т. д.; самоназвание «активист» встречается гораздо реже. «Активистские методы не радикальные, это просто форма, которая направлена в открытый социум. Активизм делает какую-то проблему публичной и предполагает вовлечение какого-то значимого количества людей» (Алексей Козлов, Воронеж).

В нашем исследовании мы выделили следующие характеристики активизма: гражданский поступок (конкретное, активное, осознанное *действие*, которое является знаком выхода в «субъектное состояние»), групповая самоорганизация, публичность, способность к ситуативной мобилизации при наличии острого повода, а также нацеленность на решение конкретной проблемы.

В качестве активистских в рамках данного исследования были рассмотрены следующие общественные практики:

- защита «общественных территорий» (борьба с уплотнительной застройкой, с перепрофилированием рекреационных зон и пр.)²;
- краеведческие группы и градозащита³;
- защита интересов социальных групп со специфическими нуждами: женщины в кризисной ситуации, люди с цифровыми фобиями, дети, инвалиды, ЛГБТ, ВИЧ-инфицированные, члены нетрадиционных конфессий и пр.⁴;
- социальная и гуманитарная нефинансовая помощь уязвимым группам (адресная помощь сиротам, больным, старикам, бездомным, пациентам детских стационаров, работа по социализации меньшинств, маргинальных групп и т. д.)⁵;
- сбор средств на помощь больным, детям-сиротам, детям с серьезными заболеваниями и пр.⁶;
- сопротивление «реструктуризации и оптимизации» бюджетных учреждений (школ, больниц, интернатов и пр.) и борьба за этические профессиональные стандарты⁷;
- общественная активность перед лицом стихийных бедствий (пожары, наводнения и пр.)⁸;

- поиск пропавших детей ⁹;
- «зеленые движения» (группы, продвигающие экологичный образ жизни) и защита животных (бездомные, дикие, исчезающие виды и пр.) ¹⁰;
- создание инфраструктурных интернет-платформ ¹¹;
- движения автомобилистов (борьба с «мигалками», с шумом, с плохими дорогами и пр.) ¹²;
- движения активных родителей, отстаивающих интересы семьи и детей ¹³;
- борьба с невыполнением государством ранее взятых на себя социальных обязательств и за предоставление качественных услуг и государственных сервисов ¹⁴;
- движения за соблюдение конституционных норм (в том числе движение наблюдателей на выборах) ¹⁵;
- досуговые и субкультурные практики, содержащие элементы освоения и настройки городской среды в интересах своих групп ¹⁶;
- неполитическая деятельность идеологизированных объединений (движения, сети, группы, клубы и др.) ¹⁷.

Деятельность активистов имеет ряд особенностей, которые нередко затрудняют выявление новых гражданских акторов:

1. Активисты необязательно ставят перед собой четкие цели и не всегда действуют по заранее составленному плану; они совсем не всегда прибегают к научному, юридическому, гражданско-политическому, лоббистскому набору аргументов для легитимации деятельности в глазах власти, общественного мнения, СМИ и др.) Активисты не обязательно стремятся к публичности — к признанию, привлечению внимания и др.; их работа может иметь форму индивидуального гражданского подвижничества, а не коллективного усилия) и т. п.
2. В некоторых случаях группы используют настолько «технологизированную»

или специализированную «модную» активность (с большим количеством информационно-коммуникационных технологий или профессиональных художественных действий), что ее трудно отличить от просто профессионального творчества или досуговой деятельности.

3. Новые акторы не используют «ключевые слова» из традиционного словаря гражданских активистов; вместо этого они предлагают неконвенциональный для сложившейся среды общественников язык, публичный жест, инструментарий, способ самоидентификации и самопрезентации.

4. Новые активисты действуют на новых или очень ограниченных участках социального пространства; возникающие там конфликты могут быть непонятны или невидны большинству «толкователей». Причиной конфликта — и поводом для протеста — может быть «жизнь и работа, в которой нет игры», «город, все менее пригодный для жизни», «интервенции, ломающие публичный характер мест общего пользования и публичных пространств» или «жизнь вне истории».

5. Контакты и обмен информацией могут происходить вне массовых коммуникаций: через блоггерские сообщества и форумы, «малую прессу», листовки и издания различных микросообществ, только через очные встречи и т. д.

Активистские инициативы — это не сложившийся, статичный объект, а потому их нужно рассматривать с учетом динамики их развития; в ряде случаев такие инициативы носят проектный, незавершенный, открытый характер. Наши наблюдения свидетельствуют о том, что активистская деятельность происходит через определенные этапы, своего рода «жизненный цикл». Каждый этап характеризуется достижением специфических результатов и требует определенных ресурсов (материальных, человеческих, экспертных,

коммуникационных, то есть доступа в публичную сферу и т. п.), дефицит которых может оказаться фатальным¹⁸. Наибольшего успеха и известности, как правило, добиваются те инициативы, которые прошли несколько этапов жизненного цикла и сумели расширить спектр своей деятельности и линейку создаваемых общественно полезных «продуктов и сервисов».

Примеры инициатив, прошедших несколько этапов жизненного цикла

Градозащитное движение «Архнадзор» (город Москва) — добровольное некоммерческое объединение граждан, желающих способствовать сохранению исторических памятников, ландшафтов и видов Москвы. Образовано в начале 2009 года как коалиция ранее существовавших московских градозащитных проектов. Участники движения работают безвозмездно. Архнадзор успешно добивается сохранения конкретных объектов. Кроме того, благодаря его деятельности тема сохранения архитектурного наследия приобрела значительную популярность. Успех и эффективность Архнадзора связаны с объединением ресурсов и способностью работать сразу по нескольким направлениям, а также с профессионально выстроенной медиаполитикой.

Затяя «Дедморозим» (город Пермь) — инициатива обычных пермяков, которые не имели отношения ни к НКО, ни к политическим структурам. Неформальным лидером и лицом проекта стал Дмитрий Жебелев, молодой журналист, активист движения пермских автомобилистов. Изначально затея «Дедморозим» заключалась в исполнении Новогодних желаний детей, живущих в детских домах. Затем добавился еще один вид деятельности — сбор средств на лечение тяжелобольных детей из Перми. Далее развернулись дополнительно конкретные действия, помогающие детям в детских домах ориентироваться в «открытом мире»,

потом — помощь одиноким старикам в интернатах и так далее. Затея «Дедморозим» считается успешной потому, что инициаторам удалось создать «активистский сервис для обывателей», то есть инфраструктуру для тех, кто хотел бы принять участие в гражданской деятельности, но не может потратить на это много времени. Важным фактором успеха стало участие большого количества людей и горизонтальная система организации акций и мероприятий: основную часть организационной работы выполняет группа координаторов (около 50 человек).

Виды деятельности

В публичной общественной активности одновременно действуют несколько поколений активистов, представляющих разнообразие тематических предпочтений, стилей деятельности и масштабов работы. Активистские инициативы можно разделить на «мейнстримные» и «субкультурные», «модернизационные» и «традиционалистские», «сельские» и функционирующие в промышленных или столичных городах. Также существует территориальная и «отраслевая» специфика. Есть виды деятельности, такие как благотворительный сбор средств на помощь детям и больным, защита животных, охрана или возрождение рекреационных зон и пр., которые типичны для многих регионов России, где ими занимаются значительные группы активистов. Встречаются и уникальные практики, которые выбирают для себя подвижники-одиночки или микрогруппы. Например, в Перми молодой человек несколько лет в одиночку добивался создания в городе «окон жизни» — специальных мест, куда могли бы анонимно прийти и оставить новорожденного ребенка матери, попавшие в безвыходную ситуацию.

Активисты в столичном городе и активисты в селе по-разному реализуют свой общественный потенциал.

Городской активист, как правило, противопоставляет себя административной бюрократии (в ряде случаев находится в оппозиции) и ментально независим, даже если он занимается вполне «вегетарианской» тематикой. В столичных и крупных промышленных городах бурно развиваются современные формы и темы активизма, в которых значительную роль играют интернет и гражданское творчество (например, городской партизанинг: изменение пространств города без специальной санкции — ремонт, улучшение или украшение

нывших условиях. Но в одном согласны и участники, и наблюдатели, и благополучатели активности: важнейший результат гражданской инициативы — ее влияние на самого активиста. Подобная деятельность трансформирует, расширяет горизонты самоидентификации, вводит в новый круг общения, информационное поле, обогащает участника новым опытом самореализации и т. д.

В описанных практиках присутствуют два типа активизма: устойчивый и продуктивный (когда деятельность обдуманна, происходит

“Наибольшего успеха добиваются те инициативы, которые прошли несколько этапов жизненного цикла и сумели расширить спектр своей деятельности”.

проблемных зон). В целом формы активистской деятельности в современном российском городе созвучны общеевропейским.

Гражданский активист в селе или малом городе — иной. Он может быть одновременно и активистом, и, например, сотрудником местной администрации или депутатом сельского поселения. Молодые активисты нередко являются членами молодежных парламентов. Такое пересечение на уровне конкретных судеб связано с тем, что круг активных людей и просто «необывателей» в сельской местности чрезвычайно узок. Сельский активизм и активизм малых городов чаще всего концентрируются вокруг местных клубов, библиотек, музеев, школ, а сами активисты так или иначе связаны с деятельностью этих учреждений. В малых городах и селах преобладают традиционные темы общественных инициатив, такие как уход за памятными местами или природными объектами, социальная помощь детям и старикам, работа с подростками «группы риска», краеведение.

Рассказывая о достигнутых результатах, кто-то из активистов говорит о проблемах, которые удалось решить, а кто-то о поме-

регулярно, результативно воспроизводится и пр.) и ситуативный (протестный или благотворительный активистский поступок). В составе участников инициативных групп оказываются не только сами инициаторы, но и пассивные исполнители и даже развивающаяся группа «квазипотребителей» — людей, готовых присоединиться к уже существующей инициативе «на пару часов», когда есть свободное время или средства. Например, можно прийти на конкретное мероприятие в качестве участника или купить подарок к новому году ребенку из детского дома.

Среди инициаторов активности выделяется категория людей, которые практически постоянно находятся в мобилизованном состоянии. Способность к мобилизации, с одной стороны, позволяет им лидировать и добиваться успеха, а с другой — держит их в состоянии стресса. Как правило, таких людей отличает широкий кругозор, практические навыки и специальные (иногда теоретические) знания, позволяющие ориентироваться в смежных областях, важных для реализации инициативы. Они собраны, креативны, открыты к изменениям, про-

являют готовность рисковать, адаптивность и гибкость — и часто оказываются в лидирующей группе более широких общественных коалиций «за модернизацию» или «против модернизации».

Последняя имеет важное значение: рассмотрение большой массы «низовых общественных инициатив» показывает, что большинство активистов, независимо от типа деятельности, стремятся к сохранению консервативного статус-кво и выступают против изменений и нововведений. Примером могут служить многообразные активистские практики противодействия «несправедливым» реформам, реструктуризации бюджетной сферы и т. п. Однако, начиная с лета 2010 года, наблюдалось нарастание активистского творчества в новых тематических областях и в новых формах, предполагающих инициативную деятельность, направленную на обновление: социальное, экономическое, коммунальное, эстетическое и т. п. Эти инициативы делают акцент на том, что объектом гражданской модернизации является не только государство, административные органы, бюрократия, но и — прежде всего! — само общество (его институты, привычки, стереотипы общественного мнения, обычаи и т. д.) и, в первую очередь, группы потенциально активной общественности.

Новые явления в сфере активизма

Прежде всего следует остановиться на самостоятельной роли интернет-активизма и заметном присутствии интернет-коммуникаций в традиционных общественных практиках.

Интернет сделал более сложными социальные пространства всех уровней, предоставил большую свободу и гибкость для гражданских неполитических активистов, обеспечил доступ к новым аудиториям, специалистам, стал эффективным каналом получения и распространения информации. Для части молодых активистов вне столиц и

больших городов снизились географические и структурные ограничения человеческого общения и прямого гражданского участия, коллективного действия, расширились горизонты культуры гражданственности. В центре активистской деятельности оказались феномены «электронной демократии», «открытого государства», «виртуальной общины», «on-line политики», краудсорсинга предложений и сервисов для последующих обсуждений, фандрайзинга и взаимопомощи в новых, возросших масштабах. Одновременно появились инициативные группы и активисты, которые заговорили не о выгодах, а об издержках информационной революции и о том, что она представляет угрозу для общественной безопасности, социально-экономической стабильности, культурной идентичности и национально-государственного суверенитета (например, группы православных активистов развернули кампанию против внедрения универсальной электронной карты)¹⁹.

Интернет изменил самих активистов и среду общественных инициатив. Часть активистов уже не просто присутствуют в сети, но заботятся о создании своего виртуального имиджа; их деятельность становится прозрачнее и оперативнее. Огромное количество активистских инициатив стало интенсивно использовать социальные сети и форумы для координации деятельности. Гражданские активисты прибегают к интернету для распространения информации и для поиска сведений и документов; как механизм рекрутинга, привлечения новых активистов, как инструмент коммуникации с целевой аудиторией, а также как пространство координации деятельности и межгруппового общения. В какой мере используются возможности интернета, напрямую зависит от величины территориального образования, содержания активистской деятельности. Кроме того, существует и поколенческая специфика.

Интернет до сих пор слабо распространен в селах и малых городах; для местных активистов в возрасте старше 45 лет он не стал ежедневно используемым ресурсом. Кроме того, некоторые типы гражданской активности (например, создание среды через очные клубные встречи) осуществляются через традиционные каналы коммуникации и взаимодействия и легко обходятся без интернета.

В городах же факт присутствия в интернете во многом уже стало элементом имиджа, благодаря чему люди больше узнают об акти-

мационные проекты, направленные на социализацию и формирование положительного мнения о необычных, странных людях, в том числе разного рода активистах. Примером может служить пермский видеопроект «Люди наизнанку». В течение трех минут люди рассказывают на видеокамеру про то, от чего они «горят», о своих главных увлечениях и событиях, которые их изменили. Затем отснятые материалы выкладывают в Youtube и социальную сеть «ВКонтакте». Смысл проекта: борьба со стереотипами, заражение

“Огромное количество активистских инициатив стало интенсивно использовать **социальные сети** и форумы для координации деятельности”.

вистах. «Социальные сети сегодня стали важнее, чем сайты. Они являются инструментом для работы с информацией, но еще имеют и имиджевое значение. Люди видят, что мы делаем, как мы себя ведем, как мы пишем, какое у нас чувство юмора, какой вкус. Это очень важно» (*Мария Середя*, Москва).

Наконец, появились виды гражданской деятельности, полностью реализуемые в интернете (например, диспетчерские платформы для обращения в органы власти, карты помощи, сбор средств и т. д.). Интернет создал среду для разнообразных активистских сообществ и проектов, существующих только в виртуальном виде. Они используются, когда другой вид самореализации невозможен (высокие потребности в анонимности, низкая способность к коммуникации «вживую», невозможность найти партнеров «поблизости» и т. д.). Благодаря интернету появились виды активности, которые ранее были бы просто невозможны (например, мониторинг выборов по *web*-камерам).

Возможности интернет-среды позволяют организовывать просветительские и инфор-

вдохновением зрителей через рефлексию людей, рассказывающих о себе. Таким образом, интернет играет роль «площадки», где можно выставить на обсуждение что угодно.

Выделим следующие типы активистских интернет-площадок:

- Сервисы «жалоб» представляют собой виртуальные общественные приемные, которые экономят время потребителей на написание обращений, мотивируют обращаться в органы власти, предлагают современные и простые способы обращения (игровая форма — «сфотографируй нарушение и пришли») ²⁰.
- Сервисы, организованные для сбора средств, создают инфраструктуру для тех, кто хотел бы принять участие в гражданской деятельности, но не может потратить много времени. Их главные достоинства: удобство для потенциальных жертвователей, наглядность результата (фото и видеоотчеты, возможность вступить в переписку с получателями благотворительной помощи посредством социальных сетей и т. д.), обеспечение анонимности. Подобные сетевые проекты — так называ-

емый краудфандинг, развиваются очень активно. Финансирование по схеме краудфандинга применяется для помощи пострадавшим от стихийных бедствий, для благотворительности, финансирования бизнес-идей и многого другого²¹.

- Сервисы по сбору открытых данных формируют онлайн-справочники по самым разным темам²².

- Сервисы для координации деятельности – активистские социальные сети, которые просто организованы (карты, путеводители, инструкции, очень популярные активистские календари мероприятий и т. д.), понятны каждому и обеспечивают работу инфраструктуры²³.

- Сервисы для обсуждений позволяют собирать мнения людей по тем или иным вопросам.

- Сервисы «гражданских развлечений»: библиотеки, видеоролики, клипы, музыка на гражданскую тематику и пр.

Активистская интернет-среда характеризуется разнородностью и динамизмом. При этом интернет-активизм зависит от ответственной позиции инициатора, поскольку часто виртуальное сообщество или группа не готовы разделить бремя организационных издержек.

Пространство города как базовая территория для новых гражданских инициатив.

Традиционные социально ориентированные группы горожан Традиционный костяк городского гражданского сообщества составляют инициативные группы, которые на местном уровне добиваются справедливости, равенства и законности. Они объединяют наиболее активных людей из товариществ собственников жилья, соседей по «благополучному» квартирному дому, жильцов проблемных общежитий и др., которые помогают наладить работу социальных сервисов города, заставляют

местные органы власти соблюдать закон, быть более открытыми, внимательными к потребностям местных жителей. Таким горожанам интересна экономика города: бюджет, городское хозяйство. Они прекрасно разбираются в программах капитальных ремонтов, обязательствах муниципальной власти в социальной сфере и даже местных правилах землепользования и застройки. Среди них часто встречаются «сутяжники-самоучки», которые могут в суде заткнуть за пояс юристов местной администрации. Из таких сутяжников нередко вырастают городские эксперты, которые профессионально анализируют городские проблемы и решения и благодаря этому пользуются популярностью у местных журналистов.

К такой деятельности близки городские «инфраструктурные» общественные инициативы: объединения людей, которые формируют общий взгляд горожан на город и самоуправление на уровне «корней травы» (примерами могут служить Пермское городское собрание, городское гражданское жюри, народная счетная палата и др.), а также многочисленные инициативы городского гражданского контроля (сообщества автомобилистов, занимающиеся контролем состояния дорог, «Архнадзор», общественный контроль общественного транспорта и т. п.)

Новые городские активисты Новые городские гражданские практики присутствуют повсеместно, но при этом они «скрыты» от традиционных гражданских исследователей, организаторов муниципальных конкурсов по поддержке НКО и некоммерческих организаций, работающих с инициативными группами. На смену городским группам, борющимся за свои права, пришли группы современного типа, решающие творческие гуманитарные проблемы, связанные с состоянием городской среды и ее пригодностью для человеческой жизни в широком смысле, иногда даже в экзистенциальном. При этом они могут

вступать в коалиции и сотрудничать с более традиционными социальными инициативными группами.

В качестве мотива, побуждающего к современной «модной», социально-творческой деятельности, сами активисты часто называют преодоление отчужденности, свойственной успешным людям индивидуалистического склада. В жестких внешних условиях отчужденность уступает место кооперации и объединению усилий. К жестким внешним условиям носители подобных практик относят

скукой, однообразием. Отсюда творческая направленность их деятельности и способы действия: граффити, разного рода «партизанские» акции по озеленению, мелкому ремонту, благоустройству городского пространства и его «возвращению» горожанам. Творческие городские группы самовольно назначают себя ответственными за свой дом и двор: организуют книгообменники в подъезде, обвязывают деревья под окнами цветными нитками, обследуют близлежащие территории, организуют фотопрогулки и квесты, игры на мест-

“Интернет-активизм зависит от ответственной позиции инициатора, поскольку часто виртуальное сообщество не готово разделить бремя организационных издержек”.

«город, все менее пригодный для жизни», «интервенции (административные или коммерческие), ломающие публичный характер мест общего пользования и публичных пространств», «жизнь и работу, в которой нет игры», «офисное рабство», «жизнь вне истории» и т. п. Модный креативный активизм присущ «путешествовавшим по Европе» молодым людям в возрасте от 15 до 30 лет, студентам и людям с высшим образованием, творчески направленным «околохипстерам», интеллектуалам, «интернет-завсегдатаям». Группы сторонников имеют неиерархическую структуру, либо слабо структурированы вокруг наиболее вовлеченных деятелей, которые успели завоевать репутацию благодаря своей гражданской активности.

Такие группы в первую очередь стремятся установить социальные связи внутри города — сообщества соседей, любителей разных видов досуговой деятельности (садоводство, огородничество, чтение книг, фотографирование и др.), создать социальную ткань, основанную на личных знакомствах и взаимодействиях. Одна из важных целей — гуманизация городского пространства, борьба с серостью,

они осуществляют самодельный ландшафтный дизайн, устраивают уличные танцы, выставки и кинопоказы. Пространство города становится «своим» благодаря использованию инструментов, соразмерных одному человеку или небольшой группе людей.

Другая цель городских гражданских практик — возвращение гуманитарных ценностей во взаимоотношения между людьми, создание нового лица традиционной соцзащиты. Бесплатные ярмарки, благотворительные магазины по типу петербургского «Спасибо», гаражные распродажи, раздача еды для бездомных и нуждающихся — все эти мероприятия направлены на помощь не социальной группе, а конкретному человеку, выстраивание социальных связей («я знаю того, кому помогаю»). Подобные практики отвергают казенные форматы социальной помощи и заменяют их взаимопомощью, не унижаящей того, кто является объектом поддержки. Такая помощь восполняет не столько материальные, сколько социальные дефициты: личное взаимодействие, совместный досуг с разными людьми, которых не встретишь в поле социальной исключенности. Отсюда

возникает мода на посещение детских домов, домов престарелых, организация там самодельных праздников «люди — людям», которые не требуют больших бюджетов и дорогих подарков; массовые новогодние поздравления (открытки) и поздравления с днем рождения заключенным, старикам в домах престарелых и т. д., безвозмездная аренда автомобиля и т. д. К числу новых гуманитарных практик относятся также зоозащитные акции разного формата, частные городские приюты для бездомных животных, благотворительные распродажи для их под-

циальными предпочтениями, например, вегетарианский и сыроедческий общепит;

- ресоциализация заброшенного городского пространства (волгоградский дебаркадер как неформальный клуб для местной молодежи, сквотирование Варшавского вокзала в Санкт-Петербурге), мода на новые места для публичной жизни: антикафе²⁴, коворкинги, форматы «магазин плюс» (по типу московского «Фаланстера» и пермского «Пиотровского») и пр.;
- места, где развиваются и формируются новые виды городской светской жизни,

“Гражданские группы являются носителями нового гражданского опыта, который не опирается ни на конкретную идеологическую платформу, ни на противостояние власти”.

держки, регулярные субботники, противостояние догхантерам, модные показы одежды из искусственного меха и т. п.

Еще одним видом деятельности городских активистов является создание дефицитных или новых сервисов для города и горожан:

- самозанятость, самообучение: мода на многочисленные и тематически разнообразные мастер-классы вроде обучения пенсионеров созданию «музыки ветра» или поделкам вроде кошельков из тетрапакетов; Уличный университет в Петербурге и Свободный университет в Тюмени;
- создание дефицитных инфраструктур: вторичное использование предметов, внедрение технологий ресурсосбережения (от мастер-классов по энергосбережению до инициативы «Дару Дар»);
- развитие и гуманизация инфраструктуры для детей и подростков: например, специально оборудованные места для детей в торговых центрах), «безбарьерный» город (группы велосипедистов, мам с колясками и др.), безопасный город — инициатива «брат за сестру», город для людей со спе-

такие как, например, ресторанный день²⁵, *freemarket*²⁶, фотокросс, новые сообщества книголюбителей и книголюбов (по типу пермского *txt-club*) и т. д.

Городские гражданские группы имеют огромный потенциал, потому что создают «дефицитные» социальные практики и услуги, которые не могут обеспечить ни муниципалитет или государство в силу обезличенности и «казенности» их помощи, ни бизнес — поскольку даже социально ориентированный бизнес имеет свои ограничения. При этом гражданские группы не только создают соответствующие сервисы, но и являются носителями нового гражданского опыта, который не опирается ни на конкретную идеологическую платформу, ни на противостояние власти. Даже если идеологический или политический элемент и присутствует, он не является стержневым для сообщества. Такие сообщества объединяются на более широкой мировоззренческой платформе самостоятельности, продуктивности и гуманитарности, но при этом четко отмежевываются от провластных инициатив,

использующих похожие технологии и стилистику деятельности. Внеполитичность, внеопозиционность — одно из тех качеств, которые в последние два года помогли таким сообществам не только сохраниться, но и значительно расшириться. Стремление к автономности, к деятельности вне формально разрешенных практик и зарегистрированных организаций дает им возможность сохранить гуманистическую направленность, сформировать ответственных новых субъектов городского управления (в широком смысле), способных оппонировать формальным, косным, «темным»²⁷ практикам гражданского участия. Сейчас, помимо утилитарных сервисных дефицитов, подобные сообщества производят новые виды социальной солидарности, которой так не хватает в сегодняшней России. Солидарность, которая строится помимо политических предпочтений, расширяет возможности коалиционных действий городских творческих групп.

Творческие акции демонстрируют гражданам, как можно «легко и играя» менять город, участвовать в подлинном самоуправлении, которое не сводится к выдержке из закона о местном самоуправлении, хотя, при случае, может использовать институциональные возможности «вмененного» гражданского участия. Жители города узнают, что гражданская деятельность — совсем не то, что заседания «общественников» в чиновничьих кабинетах.

Новые городские активисты чрезвычайно чувствительны к стилю и языку. Они активно бегут от любой административной скуки и, как правило, избегают участия в местном самоуправлении, не считая его пригодным инструментом. Для того, чтобы использовать возможности местного самоуправления, активисты должны иметь серьезную мотивацию.

Как правило, они нуждаются в «переводчиках» с чиновничьего языка, которым обычно принято говорить с представителями граж-

данского общества, а еще более им нужны люди (в том числе из гражданских организаций), которые смогут быть посредниками между городскими активистскими группами нового типа и муниципалитетом. Кроме того, новым городским активистам требуется помощь в формировании и поддержке «зон контактов» (совместные рабочие группы, общие городские гражданские выходные, фестивали, общественные газеты и т. п.), где представители разных инициативных групп могли бы встречаться и взаимодействовать друг с другом.

Помимо описанных гуманистических гражданских практик, формируются также и инициативы другого рода, сжимающие, а не расширяющие публичное пространство, — догхантеры, оккупайпедофилия и др. Публичная сфера «перекашивается»: по мере того как сокращается число негосударственных СМИ, в интернет-сетях появляются дискуссионные площадки и «узлы», пропагандирующие неприятие «Другого», социальную нетерпимость и агрессию. В результате повышается градус взаимного неприятия, меняется восприятие гражданской деятельности в городе: симпатизирующие скатываются к равнодушию, равнодушные — к неприязни, а недолюбливающие — к радикализму по отношению к «врагам».

При этом инициативные группы охранительной направленности используют те же современные технологии и приемы (политическая сатира, интернет-активизм и т. п.), что и активисты гуманистического толка. Кроме того, и те и другие сталкиваются с одинаковыми проблемами: административные органы и городские власти не желают мириться с автономностью самоорганизованных сообществ — независимо от их идеологической и политической ориентации.

Участие идеологизированных и субкультурных групп в гражданской активности и «политике малых дел» Идеологизированные

группы (политические или субкультурные) — это небольшие сообщества близких друзей, хороших знакомых, которые причисляют себя к последователям той или иной политической идеологии (зачастую маргинальной — от радикальных левых троцкистов и анархистов до националистов) или считают себя частью какой-либо идеологизированной субкультуры. Они слабо связаны с крупными политическими и гражданскими организациями — политическими партиями или официальными профсоюзами и не оказывают влияния на политическую повестку в стране в целом. Для большинства граждан их идеология выглядит слишком вычурной и фантастической: троцкисты заумны, анархисты утопичны, националисты слишком радикальны.

В России принято изучать такие группы в контексте социологии молодежи, но, хотя молодежь преобладает, в действительности там встречаются люди всех возрастов.

Деятельность идеологизированных групп мало отличается от активистской, но у них другая мотивация. Их интересует не столько решение конкретной проблемы, сколько изменение ситуации в целом (в той мере, в какой это заложено в программе конкретной политической субкультуры), расширение числа сторонников, выдвижение собственных лозунгов в коалиционных кампаниях и т. д. Однако при определенных условиях они способны отказаться от «политической» повестки дня в чистом виде и принять участие в решении гражданских проблем, например, в борьбе за сохранение местного леса или возвращение студентам права на бесплатный проезд, в гражданском контроле над местной полицией, восстановлении памятников архитектуры и т. п. Гражданские акции помогают им проводить в жизнь свои идейные принципы (например, всеобщее участие в принятии решений) через «политику малых дел». Члены идеологизированных групп играют роль «записных активистов» в городских

кампаниях и коалициях, они посещают многие уличные акции, круглые столы, собрания практически по любым поводам. У них есть минимальный опыт организации акций, взаимодействия со СМИ, поиска ресурсов для своей деятельности. Они знают, как подать заявку на пикет, написать пресс-релиз, нарисовать плакаты, скинуться в общую кассу на чай и бутерброды для участников субботника и пр., и тем самым могут быть полезны местным социально ориентированным инициативным группам.

Такие группы практикуют самые разнообразные формы деятельности: организуют зоозащитные акции; ведут пропаганду вегетарианства и веганства, отказа от ношения меха; протестуют против службы в армии, алкоголя, наркотиков и табакокурения; устраивают ситуативные экозащитные акции, просветительские лекции (в том числе — неидеологического характера), раздачу бесплатной еды бездомным и малоимущим, волонтерские акции (восстановление церквей, кладбищ, уборка мусора) и т. п. Деятельность такого рода (чаще всего не системная, а разовая) оценивается активистами подобных групп как часть большой стратегической работы по внедрению определенных ценностей и поддержке инициатив, которые совпадают с их идеологией. Любопытно, что нередко радикальные левые и радикальные правые инициатируют акции, сходные по тематике и технологиям, — одним из примеров является пропаганда здорового образа жизни в виде разного рода турниров, соревнований, совместных тренировок и т. п.

Активистам из идеологических субкультур близки технологии городских творческих групп: они — специалисты по перформансам и хешпенингам, стрит-активности, уличным концертам, выставкам и фестивалям. Если они могут хотя бы частично отказаться от своего субкультурного языка и идеологических догматов, выбрать общественно полезную тему,

а также — если ядро их микрогрупп не деструктивно и способно к компромиссам, они становятся эффективными участниками городских гражданских коалиций, сотрудничают с местными НКО. При непереносимом условии, что те, в свою очередь, лояльны к их «идейной необычности» и могут предложить соответствующие их темпераменту и опыту роли.

«Самовозбуждающиеся» сети волонтерской и благотворительной деятельности Наше исследование показало, что мощным толчком для развития гражданской активности в иссле-

в личном качестве. «Добровольцы непосредственно, собственными руками и ногами действовали: брали отгулы на работе и шли тушить пожары или помогать восстанавливать разрушенное; участвовали в приеме, расфасовке, отправке и распределении на местах гуманитарной помощи; использовали свои автомобили для безвозмездной доставки гуманитарных грузов в места, пострадавшие от пожаров; шили перчатки и готовили еду для добровольцев и пр. Благотворители участвовали опосредованно, направляя на

“Природные катаклизмы, повлекшие за собой крупные пожары и наводнения, способствовали массовой мобилизации добровольцев и благотворителей”.

дуемый период становятся стихийные бедствия и иные события, требующие срочной помощи пострадавшим. К концу «нулевых» благотворительность и добровольчество приняли массовый характер. «Впервые за долгое время слова волонтер, активист стали ассоциироваться не с чем-то сумасшедшим, чем-то непонятым, ненужным, а напрямую с чем-то спасающим людей, замещающим государство, власть с ее нерасторопностью и безразличием к судьбам людей» (*Юрий Бобров*, журналист, активист движения многодетных родителей, активист поискового отряда, Пермь).

Природные катаклизмы, повлекшие за собой крупные пожары (лето 2010-го) и наводнения (лето 2012-го), способствовали массовой мобилизации добровольцев и благотворителей по всей стране. Люди разного возраста, социального статуса и благосостояния стали помогать пострадавшим: собирали вещи, деньги, лекарства, ехали на место трагедии бороться со стихией и ее последствиями.

В обоих случаях инициаторами и участниками общественной помощи стали не институционализированные организации, а люди, включившиеся в эту деятельность

нужды пострадавших и добровольцев денежные и вещевые пожертвования»²⁸.

Важная координационная и направляющая роль в этом процессе принадлежала виртуальным сетевым группам и стихийно образовавшимся «блогерским командам». «...Я решил поехать в Крымский район помочь ликвидировать последствия. Пытался дозвониться по официальному телефону — не дозвонился. Тогда я зашел в социальную сеть, нашел там контакт человека, у которого даже фамилия не была указана, только имя. Он мне сказал, что ехать нужно туда-то, контакты такие-то, необходимо то-то... И я поехал» (*Аркадий Кац*, депутат городской Думы, экс-сити-менеджер, Пермь)

Одновременно большую социальную ценность приобрели разнообразные инициативы, направленные на помощь детям (большим, сиротам, социально неблагополучным), поиск пропавших детей и пр. Вокруг детской темы стали разрастаться активистские добровольческие и благотворительные инициативы во всех российских городах. Среди успешных «детских» проектов можно назвать акцию «Сухая папа» (сбор подгузников

и средств на подузники для грудных детей, оставшихся без попечения родителей), которая, начавшись в Москве, за два-три года стала практически повсеместной, уже упомянутая затея «Дедморозим» в Перми (благодарительность для детдомовцев, поиск средств на лечение тяжелобольных детей), московский поисково-спасательный отряд «*Liza Alert*», аналоги которого распространились по всей стране.

Таким образом, буквально за два-три года участие в благотворительности стало модным и престижным, а термин «доброволец» стал синонимом определения «хороший человек» (неравнодушный, правильный и пр.). Речь идет не о любой благотворительности, а, в первую очередь, об участии в сборе средств в социальной и гуманитарной сфере на помощь слабым членам общества²⁹. Рост интереса к добровольчеству подтверждается не только мнением респондентов, но и контент-анализом текстов СМИ (в том числе официальных) за 2011–2012 годы. В средствах массовой информации стало существенно больше публикаций о добровольчестве и добровольцах с положительными оценками как самого явления, так и людей в этом участвующих. В интернет-СМИ и социальных сетях появилось множество сюжетов, статей и зарисовок на тему «как я поехал на пожар добровольцем», «почему я стал добровольцем» и т. д. Если в предыдущие 10–15 лет публичное упоминание добровольчества обычно перетекало в обсуждение мотивации волонтеров, то теперь участников обсуждения скорее интересует «как это было».

Существующие некоммерческие организации (НКО) часто действуют на одном поле с новыми «низовыми гражданскими инициативами», но наладить систематическое, эффективное взаимодействие, как правило, не получается — у НКО иная культура и иные способы принятия решений.

Во взаимодействии НКО и активистских групп особое значение имеет практический сервис «сопровождения инициатив»³⁰, который предлагает некоммерческая организация, ее репутация, авторитет лидеров или лиц, публично ассоциирующих себя с деятельностью и принципами гражданских организаций. Коммуникация НКО с активистскими группами может быть успешной, если сотрудники НКО проявляют готовность говорить на другом языке, если в организации присутствуют элементы «универсальной» коммуникации, если она не замкнута в собственном профессиональном и тематическом пространстве, а имеет выход в иные коммуникационные площадки (блоги, сети, дискуссионные площадки, клубы и т. п.).

Всплеск публичных протестов в конце 2011-го оказал влияние на неполитическую гражданскую активность. На протяжении 2012-го можно было наблюдать:

- а) приход новых людей, которые от политизированных тем перешли к низовым общественным инициативам или традиционным общественным практикам;
- б) появление нового стиля публичной презентации, в частности, творческих форм общественной сатиры, гражданского просвещения, уличных мероприятий и т. п.;
- в) изменение общественной атмосферы и расширение общероссийского поля публичности и др.

Тем временем со стороны государственных органов ответом на рост протестной активности стало ужесточение законодательства о некоммерческой деятельности, а также принятие целого ряда новых норм, урезающих права и свободы граждан, и общий сдвиг в сторону консерватизма и традиционализма. В результате часть гражданских активистов, по-прежнему ориентированных на решение локальных (в основном, социальных) проблем, стремятся дистанцироваться от новой («модной») оппозиционной активности, в

которой им видится политический подтекст. Возникли новые «охранительные» или «традиционалистские» объединения граждан, которые в протестах увидели угрозу дестабилизации и роста уличного насилия, а также вызов традиционным культурным и державным ценностям и т. п.

Обнаруженные нами практики дополняют картину состояния гражданского общества в России, включая в нее элемент, который не всегда заметен. Несмотря на то что такие практики многочисленны и разнообразны, их дальнейшие перспективы пока не ясны. Присущая им автономность (ответственная самостоятельность, а не деструктивная изоляция) помогает им быть эффективными, гибкими, что делает их деятельность ценной. Но они не помышляют о разработке некоей общероссийской стратегии развития гражданских инициатив или об их институционализации. Организационное закрепление, по мнению самих активистов, не всегда означает развитие; у незрелых практик все ресурсы могут быть потрачены на регистрацию общественной организации, и на деятельность не останется ни сил, ни времени, ни энтузиазма. Речь также не идет о перерождении неполитических инициативных групп в политическую силу, поскольку они стремятся максимально дистанцироваться от политической деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Материал подготовлен на основе исследования неполитического активизма в России, проведенного экспертами пермского Центра гражданского анализа и независимых исследований (Центр ГРАНИ) в 2012 году. Исследованием было охвачено 20 регионов РФ, в трех из которых (Пермский край, Саратовская и Новосибирская области) объектом изучения была не только городская, но и сельская активность граждан. В основе исследования лежит анализ активистских кейсов (около 100 углубленных

описанный нами социальный феномен свидетельствует о становлении в России гражданской самостоятельности. Однако на сегодня невозможно ответить на вопрос о том, предпочтут ли активисты остаться в поле гражданских развлечений и защиты локальных интересов в пределах отдельного города, региона или станут постепенно «взрослеть». Смогут ли они сохранить свою самостоятельность и мотивацию и открыть новые ниши для гражданской активности? Смогут ли обновить традиционные гражданские институты, настроить их под себя, или будут по-прежнему взаимодействовать с НКО лишь в случае крайней необходимости?

Как бы то ни было, распространение активистской деятельности в России ведет к развитию социального капитала, который способствует расширению доверия за пределами собственного круга родных и близких и формированию широких общественных коалиций солидарного действия. Одновременно накапливается и закрытый социальный капитал, где доверие повышает эффективность взаимодействия узкой группы единомышленников. Несмотря на противостояние «охранительной» и «модерной» повесток дня, можно говорить о постепенном развитии гражданской культуры как чувстве сопричастности к общественным делам и личной ответственности за положение дел в обществе. ■

интервью, фокус-группы, экспертные дискуссии и т. д.). Приводимые цитаты, там, где не указано иное, взяты из интервью с активистами. Подробнее с материалами исследования можно ознакомиться на сайте Центра ГРАНИ (http://www.grany-center.org/catalog/analiz/details_849.html).

² Например: Инициативная группа «Защитим город-лес Академгородок» (Новосибирск) (<http://vk.com/club2492115>).

³ Например: Движение «Архнадзор» (Москва) (<http://www.archnadzor.ru/>).

⁴ Например: Общественное движение «Колясочки Питера» (<http://vk.com/club30298691>).

⁵ Например: Межрегиональный проект «Больничная клоунада» (<http://new.medclown.ru/>).

⁶ Например: Затея «Дедморозим» (Пермь) (<http://dedmorozim.ru/>).

⁷ Например: Общественное движение в защиту больницы № 31 в Санкт-Петербурге.

⁸ Например: Общественное движение «Гражданский корпус» (<http://www.civilcorps.ru/>).

⁹ Например: Общественный поисковый отряд «Liza Alert» (Москва) (<http://lizaalert.org>).

¹⁰ Например: Межрегиональное позитивно-креативное экологическое движение «Мусора. Больше. Нет.» (<http://musora.bolshe.net>).

¹¹ Например: Интернет-ресурс «Дом. Двор. Дороги». Сайт о наведении порядка в сфере ЖКХ (Москва) (<http://domdvordorogi.ru>), Платформа благотворительного краудфандинга «Тугеза» (<http://together.ru/>).

¹² Например: Движение «Общество “Синих ведерок”» (Москва) (<http://ru-vederko.livejournal.com/>).

¹³ Например: Региональное общественное движение «Класс родителей» (Екатеринбург) (<http://www.klassrod.ru/>).

¹⁴ Например: Общественная кампания «Заливает СПб» о проблемах протечки кровли (Санкт-Петербург) (<http://zalivaet.spb.ru>), Инициативная группа студентов, аспирантов и сотрудников МГУ (Москва) (<http://www.igmsu.org/>).

¹⁵ Например: Общероссийское движение «Гражданин наблюдатель» (<http://nabludatel.org/>).

¹⁶ Например: Клуб «Нежная мама» (Пермь) (<http://vk.com/id66929020#/tendermama>), Проект «Партизанинг» – партизанские городские перепланировщики (<http://partizaning.org>).

¹⁷ Например: группы современных «левых» и «националистов», проводящих «уличную зарядку» и т. п. в разных регионах РФ.

¹⁸ В дальнейшем учет этого обстоятельства позволяет разнообразить ассортимент содействия инициативным группам, создавая благоприятные условия или предлагая конкретные меры поддержки в актуальный момент жизни инициативы. Это особенно важно, поскольку активисты (чаще новые акторы) нередко уклоняются от публичного взаимодействия с НКО, партиями, учреждениями, опасаясь, что связь с такими организациями, нередко имеющими негативный имидж, может

нанести урон их репутации. Кроме того, инициативные группы иной раз подозревают, что потенциальные партнеры «используют» новую инициативу (организационно абсорбируют, припишут себе ее заслуги, «пропиарят за счет...» и т. д.), будучи равнодушными к ее содержанию, мотивации и прочему.

¹⁹ Сайт Координационного комитета против внедрения универсальной электронной карты (<http://protivkart.org/o-saite>).

²⁰ Например, проект «Заливает. СПб» (<http://zalivaet.spb.ru>) – сайт о протечках кровли в Санкт-Петербурге.

²¹ Например, сайт Затеи «Дедморозим» (<http://dedmorozim.ru>) – сбор новогодних подарков детям, оставшимся без попечения родителей, а также средств на лечение детей со смертельно опасными заболеваниями.

²² Например, проект «Открытые данные» (<http://www.opengovdata.ru/>), задача которого сделать доступной информацию, раскрываемую государством для граждан.

²³ Например, сайт общественного поискового отряда «Liza Alert» (<http://lizaalert.org/>).

²⁴ Общественные пространства, куда приходят пообщаться, отдохнуть, поиграть в настольные или видеоигры, посетить мероприятие. В антикафе оплачивается время пребывания. Как правило, антикафе представляет собой один большой зал или несколько комнат с уютным домашним интерьером, где посетители свободно перемещаются и сами делают себе напитки (чай, кофе). Еду и напитки можно приносить с собой, алкоголь и курение запрещены.

²⁵ Городской фестиваль еды, где каждый желающий может открыть ресторан на один день. Идея заключается в том, чтобы хорошо провести время, пообщаться, получить новые гастрономические впечатления и сделать свой город (район, микрорайон и пр.) лучше и интереснее.

²⁶ Абсолютно Бесплатная Ярмарка – мероприятие, организуемое городскими активистами, на котором вещи, предметы и услуги предоставляются без какого бы то ни было денежного вознаграждения.

²⁷ К «темным» мы относим агрессивные практики, допускающие демонстративное публичное унижение людей, применение иных форм символического насилия, провокации против конкретных людей или организаций (инициативы «Стопхам», «оккупай-педофилия»), «Хрюши против», родитель-

ские группы сопротивления ювенальной юстиции, группы публикующие «позорящие» списки людей с персональными данными и т. п). Обозначение «темное» – в противовес «светлому» использовал ряд наших респондентов, видимо, вслед за Игорем Аверкиевым, который ввел понятие «темного гражданского общества» для обозначения агрессивных, экстремистских групп и субкультур. См., например: pgpalata.ru/reshr/grow/02.shtml

²⁸ Люди на пожарах: Экспресс-анализ по остывшим следам. Пермь: ППП, 2011.

²⁹ Например, интервью с лидерами Затеи «Дедморозим» в Перми показывает, что число

благотворителей с каждым годом увеличивается. Они объясняют этот факт не только собственной качественной работой по продвижению идеи и безупречностью репутации лидера данной инициативы, но и тем, что тема помощи детям стала одним из модных трендов в стране в целом.

³⁰ Под «сопровождением инициатив» имеется в виду помощь адвоката при формулировании запроса в орган власти или предоставление помещения на 2–3 часа для встречи группы или помощь редактора при формулировании текстов публичного мероприятия и т. п.